

**Социальный облик рабочих Удмуртии в первые десятилетия XX в.:
социально-бытовые, производственные, политические аспекты**

Социальный облик пролетариата Удмуртии в первые десятилетия XX в. определяли горнозаводские рабочие, прежде всего, рабочие Ижевского и Воткинского заводов. Благодаря им численность рабочего класса Удмуртии в 1917 г. составляла около 12% численности пролетариата Урала¹. Многие черты уклада жизни горнозаводских поселков совпадали с условиями труда и быта рабочих других отраслей местной промышленности, являлись типичными в обыденной и производственной организации пролетариата провинциальной, особенно «негородской» России. Это позволяет рассматривать проблему социального облика местных рабочих в контексте единства его базовых бытовых, производственных и политических характеристик вне зависимости от отраслевой принадлежности.

Горнозаводские рабочие Удмуртии принадлежали к уральским рабочим, которых еще современники рассматривали как особый тип рабочего. Его социальная природа в последние годы вновь как на рубеже 20–30-х гг. XX в. становится предметом обсуждения, трактуясь некоторыми исследователями как полукрестьянская. Существенно важно, что в качестве типичных представителей «уральских металлистов-полукрестьян» эти авторы называют рабочих Ижевского и Воткинского заводов. Подобные оценки, однако, справедливы лишь по отношению к части вспомогательных и куренных рабочих. Они не учитывают многослойность уральского пролетариата. Рабочие основных производств Ижевского и Воткинского, других горных заводов Удмуртии имели дома, усадьбы, покосы, частью держали скот и птицу для собственного потребления. Но при этом основой их благосостояния из поколения в поколение служил заводской заработок. Это были кадровые, потомственные, причем на протяжении многих десятилетий и даже столетий, рабочие. Формально принадлежа к крестьянскому сословию, заводские рабочие осознавали свою «особость». Лаконично это выразили в 1885 г. рабочие Ижевского завода. «Он (рабочий – П.Д.), – писали они в прошении министру внутренних дел, – родился фабричным, прожил им полжизни и умереть желал им же». То же могли сказать о себе рабочие казенного Воткинского и частных Камбарского, Пудемского, Омутнинского, других горных заводов края². Не позже середины 80-х гг. XIX столетия, можно говорить о самоидентификации местных рабочих как пролетариев. Но одновременно ижевские рабочие в упомянутом прошении подчеркивали и несходство с городским пролетариатом, характеризуя себя как «особый вид не городского фабричного пролетария, а сельского, имеющего хотя бы самую мизерную в виде полуразвалившегося домишка и усадьбы к нему, собственность»³. Это противопоставление по сути, не что иное, как типология социальных

* Доц., к.и.н., УдГУ.

групп в составе рабочего класса, по признаку отношения к собственности и месту жительства. За ней вырисовываются реальные тенденции в развитии пролетариата в России в пореформенный период, формирование слоя «чистых пролетариев», живущих исключительно продажей своей рабочей силы. В нем воплощен европеизированный марксистский идеал промышленного рабочего, отражающий современный по тому времени уровень технологии и жизненных ценностей⁴. А рядом с ним исторически уходящий, но массовый в российской провинции, особенно на Урале, тип «рабочего с наделом», который представлен в Удмуртии не только рабочими горных предприятий, но основной массой сарапульских кожевников и обувщиков, рабочих других отраслей местной промышленности, Им ближе и понятнее народническая идеология и «почвенная» полупатриархальная система ценностей. Чаще всего в конкретных условиях предреволюционных Урала и Удмуртии эти идеальные типы воплощались в смешении их черт в социальном и духовном облике местного пролетариата, отражая переходный характер эпохи.

Отживающий патриархальный уклад постепенно модернизировался. Но оставался еще достаточно устойчивым в своих основах, общим для большинства местных рабочих. Его специфика не исчерпывалась связью основной массы рабочих с землей и недвижимостью, но именно она являлась несущей конструкцией, вокруг которой выстраивались другие элементы своеобразной бытовой и производственной жизни рабочих. Эта связь уже становилась объектом специального изучения, тогда как другие аспекты жизни местных рабочих оставались на периферии исследовательского интереса. Назрела необходимость более внимательного их осмысления. Тем более что неудовлетворенность создавшимся положением уже нашла отражение в отечественной историографии⁵.

Архаичностью отличались формы организации повседневной жизни заводских поселков. Они были близки к деревенским, Ижевск и Воткинск, Камбарский завод, поселки Северо-Вятского горного округа, официально были сельскими населенными пунктами, волостными центрами, в их состав кроме заводских входили и земледельческие общества. Все проблемы решались волостным старшиной и селенным сходом. Из-за многолюдства населения последний созывался из выборных от каждых 10 дворов, но не всех домохозяев волости, а только жителей заводских обществ. Поэтому его нельзя считать в полном смысле слова волостным сходом⁶. Такой общинный тип организации свойственен большинству старых уральских заводских поселков⁷. Коренные жители поселков отличались от окрестных крестьян-хлебопашцев и своим статусом. Они были сельскими обывателями, представляя один из разрядов крестьянского сословия. Это поддерживало у коренного населения, независимо от рода деятельности ощущение корпоративно-сословной общности, особенно в сношениях с внешним миром.

По свидетельству современников лишь после революционных событий 1905 г. начали терять силу патриархальные пережитки в семейном быту. До этого, замечает служащий Ижевского завода А. Федулов, «велика и неограниченна была власть старика в семье»⁸. Рабочий А. Соковиков добавляет, что «авторитет седой

бороды сохранился» до 1905 г. не только в семье, но и на производстве. Он пишет: «не принято было в рабочем быту, чтобы молодежь указывала дорогу старикам»⁹. Так естественно смыкались бытовая и производственная стороны жизни местных рабочих. Как суррогат семейных и соседских отношений возникало некое подобие родственности на производстве, отмеченное на многих старых уральских заводах. Одним из внешних проявлений ее было обращение в цехах к мастерам и старым рабочим по отчеству, со словами «кум», «дядя» и т.п.¹⁰

Но такие отношения распространялись не на всех. Отчетливо вырисовывается среди рабочих деление на местных и приезжих (пришлых). Последние встречались подозрительно и недоверчиво, к ним долго присматривались и изучали. В условиях спада производства, экономических и политических кризисов эта отчужденность нередко оборачивалась вспышками группового эгоизма. Градация на «своих» и «чужих» ярко высвечивала, по образному выражению В.В. Адамова, «живые следы» сословно-корпоративного деления в рабочей среде¹¹.

Активно воздействовала на формирование мировоззрения местных рабочих патерналистская политика государства и заводской администрации. Она складывалась с момента возникновения уральской горной промышленности, отличалась прагматизмом, гибкостью, разнообразием форм и методов воздействия на рабочих. Эта политика исходила из посылки о заметном отличии уральского рабочего от рабочих других районов страны. Очень определенно выразило эту мысль совещание заведующих 9 горнозаводских округов Урала по рабочему вопросу в апреле 1905 г. В его заключении отмечалось, что «уральские рабочие представляют исключительный пример заводского рабочего, сельского обывателя, домохозяина, общественника, землевладельца и большей частью земледельца, что устанавливает особые отношения их к заводским работам»¹². Сущность ее была единой на частных и казенных заводах.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что ижевские рабочие оказались под более сильным воздействием со стороны государства, чем трудящиеся «гражданских» заводов. Ижевский завод являлся единственным предприятием военного ведомства на Урале, что значительно увеличило действенность рабочей политики администрации. Ее оборотной стороной явилась военизированная дисциплина на производстве и повышенное внимание органов государственной охраны и полиции, законодательные ограничения права на стачку¹³. Это замедлило процесс преодоления разобщенности рабочих в борьбе за свои права, поощряло апатизм и законопослушание.

Другим сильным средством воспитания лояльности к власти, заводскому начальству служило поддержание религиозного чувства у рабочих. Вопрос этот исследован недостаточно, но имеющиеся материалы позволяют говорить как об обыденном явлении о существовании в цехах старых уральских заводов иконостасов с «неугасимыми лампадами». Эта традиция отмечена и в Удмуртии. Рабочий Ижевского завода И. Семенихин вспоминал, что в начале XX в. «во всех мастерских были... иконостасы, где часто служились попами... молебны». Кроме того,

администрация обязана была освобождать рабочих и служащих «поочередно на два дня в один из постов» с сохранением поденной платы¹⁴.

В Удмуртии действовала обычная для горных заводов Урала бесплатная система медицинского обслуживания¹⁵, что выгодно отличало их от большинства предприятий других отраслей промышленности. Впрочем, это не всегда обеспечивало равный доступ всех работающих и членов их семей к медицинским услугам. На частных заводах Северо-Вятского гарного округа правом на безвозмездное лечение в больнице и получение медикаментов из заводской аптеки пользовались все рабочие и служащие, их жены и дети. Тогда как на казенном Воткинском заводе последние, а также рабочие от подрядчиков такой возможности были лишены. Да и для постоянно работающих на Воткинском заводе медицинская помощь была бесплатной лишь отчасти, поскольку определенная доля затрат на нее покрывалась, как и на других «гражданских» казенных заводах, за счет их членских взносов в горнозаводское товарищество¹⁶. Больше льгот предоставлялось детям и женам работающих на оборонном Ижевском заводе. Они пользовались в экстренных случаях бесплатно помощью врачей, им полагались медицинские пособия, но было отказано в праве «на безвозмездное пользование в госпитале, лазарете и приемном покое»¹⁷.

Масштабнее и качественнее был комплекс бесплатных медицинских услуг, предоставляемый рабочим Ижевского завода. Они могли лечиться имели в госпиталях, других военно-медицинских заведениях за счет государства до двух месяцев, а при производственной травме или увечье – до выздоровления. При необходимости казна оплачивала лечение в земских и других больницах на основе норм, установленных для нижних чинов в армии. Кроме того, по разрешению заведующего техническими заведениями Главного артиллерийского Управления (ГАУ) за ними сохранялась на срок болезни заработная плата, как правило, в половинном размере¹⁸.

Заводская администрация традиционно регулировала и ряд других значимых для рабочих социальных проблем. Она определяла порядок отпуска их на сенокос. Небольшие предприятия останавливались на период страды¹⁹. На крупных предприятиях таких как Ижевский и Воткинский заводы, это было невозможно. Поэтому с коллективами отдельных мастерских администрацией заключался договор-«условие» об объявлении на две недели в июле перерыва в работе без сохранения заработной платы. Первая мировая война прервала эту традицию, но после Февральской революции рабочие добились ее возобновления²⁰.

Давно уже «общим местом» в специальных работах стало указание на предпочтение оказываемое администрацией уральских горных заводов при приеме на работу коренным жителям²¹. Такая же практика сложилась и на многих предприятиях других отраслей промышленности, особенно тех, что располагались в сельской местности. По данным П.Н. Луппова, на Сюгинском стекольном заводе, например, 88% рабочих были местными уроженцами²². Не были исключением из общего правила и такие промышленные гиганты как Ижевский и Воткинский заво-

ды. Анализ кадровой политики на этих предприятиях позволяет расширить представление о мотивах и критериях, которыми их администрация руководствовалась. 20 ноября 1907 г. начальник завода в Ижевске докладывал вятскому губернатору о том, что из-за сокращения заказов «завод... уволил почти всех пришлых, оставив... почти только обывателей Ижевского завода»²³. 6 февраля того же года на Воткинском заводе было решено «рабочих из крестьян с 1 мая уволить»²⁴.

Казалось бы, эти факты дают основание согласиться со сделанным А.Д. Митинским в 1909 г. после изучения практики приема рабочих на Воткинский завод выводом о том, что «своего, т.е. уроженца заводов всегда принимают в ущерб другим»²⁵. Однако его оценка явно упрощала ситуацию, вольно или невольно формировала впечатление, что кадровая политика администрации ориентировалась исключительно на коренных жителей, звучала как обвинение в местничестве. В действительности, в ее расчетах доминировала ставка на уровень квалификации и добросовестность рабочих. Предпочтение местным жителям отдавалось, прежде всего, потому, что они были более приспособлены к условиям работы на родном заводе и обладали в массе более высокой квалификацией, чем пришлые рабочие. К тому же к последним отношение администрации дифференцировалось в зависимости от уровня производственной подготовки, Тех из них, кто мог выдержать конкуренцию с местными рабочими, стремились уберечь от увольнения. Подтверждением служит решение от 6 февраля 1907 г. о расчете крестьян с Воткинского завода, где предлагалось оставить тех из них, «которые проработали не менее 5 лет»²⁶. Официальное предпочтение «своих» «чужим», преследуя производственные цели, одновременно являлось элементом социальной стратегии государства, направленной на воспитание у рабочих конформизма, на примирение с действительностью, ожидание перемен к лучшему «сверху».

Среди факторов, формировавших социальный облик рабочих казенной промышленности, заметное место занимали меры морального поощрения на производстве. На предприятиях оборонного ведомства России, в том числе на Ижевском заводе, они сложились в разветвленную и отлаженную систему. Фундамент ее был заложен еще в первые годы правления Николая I. В 1830 г. была введена в действие система денежных наград для прослуживших на заводе «беспорочно 25 и более лет»²⁷. Недостаточность материального поощрения для проведения эффективной социальной политики заставила разработчиков этой системы - чиновников военного ведомства - включить в нее весомые моральные стимулы в форме мастерских кафтанов, золотых и серебряных медалей, звания личного почетного гражданина. В таком виде наградная система просуществовала до 1917 г.²⁸ Эта иерархия наград была рассчитана, прежде всего, на поощрение высококвалифицированного труда. Но не следует рассматривать ее только как средство формирования и поощрения «рабочей аристократии», хотя она выполняла и эту функцию. Наградная система служила стимулом для производственного роста широких слоев оружейников. По расчету нормы поощрений на Ижевском заводе в 1915 г. на 16834 рабочих причиталось 8417 наград. Иными словами, военное ве-

домство готово было поощрить половину состава рабочих завода. Но заводская администрация считала достойными лишь 6,6% или 1108 чел.²⁹

Официальным основанием для представления к награждению являлась по «Положению о вольнонаемных мастеровых и рабочих технических артиллерийских заведений» долговременная полезная служба и особые заслуга, открытия и изобретения. В реальной жизни к ним добавлялось еще и отличное поведение, причем не только на производстве. Из переписки начальника Ижевского завода с его помощником по оружейному отделению в июне 1912 г. следует, что от представленных к мастеровым кафтанам с золотым галуном, малым и большим серебряным и золотым медалям «За усердие» на Владимирской, Анненской и Станиславской лентах «должны быть затребованы... удостоверения полиции или волостных правлений о небытности под судом и следствием». Еще строже были правила для представляемых к званию личного почетного гражданина. Начальник завода в этом случае обязан был сделать запрос вятскому губернатору «... о том не имеется ли с его стороны препятствий к испрошению такого звания»³⁰.

Порядок представления заведомо исключал из числа претендентов не только тех, чья репутация была замарана связью с уголовными преступлениями, но и политически неблагонадежных, поощрял законопослушание. Закономерно, что из награжденных формировался слой младшего производственного персонала: старших браковщиков, надзирателей, подмастеров, младших и старших мастеров, конторских служащих низших разрядов, которые несли административные функции, были опорой заводского начальства. Именно в этой группе были обладатели редкого звания личного почетного гражданина. Среди 54 представленных к наградам рабочих и служащих оружейного отделения завода в 1912 г. лишь один притязал на это звание³¹, которое означало существенное продвижение по сословно-иерархической лестнице вверх, и было синонимом жизненного успеха. Оно освобождало от рекрутской и подушной подати, телесных наказаний, давало право участия в городском самоуправлении. О мерах морального стимулирования на «гражданских» государственных предприятиях известно меньше. Но сохранились свидетельства о присвоении труженикам боткинского завода звания личного почетного гражданина³². Наградная система, действовавшая на казенных предприятиях, была порождением сословной архаики, живым свидетельством, умножающим представление о значительности патриархальных пережитков в повседневном обиходе местных рабочих. Она оказала значительное влияние на формирование отношений рабочих этих заводов и государства.

Работа на государство делала рабочих, особенно на оборонных заводах, более зависимыми от его воли, чем занятых на частных предприятиях, накладывала на их мировоззрение, социальную психологию и поведение специфический «государственнический» отпечаток. При всей неоднозначности их взаимоотношений с государством, его институтами понятия «государственная собственность», «государственная власть», «государственные интересы» и т.п. не вызывали в этой среде отторжения. Более того, являлись важной составляющей ее жизнен-

ных ценностей и идеалов. Они складывались под сильнейшим влиянием патерналистской политики государства и заводской администрации (а на частных, в том числе многих негорнозаводских предприятиях под воздействием владельцев), рождая у рабочих психологию социальной инертности, настроения долготерпения в надежде на поддержку власть имущими их нужд и чаяний. Такая модель поведения нередко оборачивалась против самих же рабочих, укрепляя в общественном мнении представление о них как о людях, которые «не привыкли думать сами о себе»³³. Миф об их иждивенческих настроениях требует однако существенной корректировки, поскольку социальная политика, осуществляемая государством и частными заводе владельца ми не обеспечивала основной массе местных рабочих достойного существования, вынуждала искать приработки.

Повинны в этом, прежде всего низкие заработки рабочих. Уровень их заметно колебался в зависимости от отраслевой принадлежности предприятия, его финансового положения. Наиболее благополучным среди них являлся Ижевский завод. Он принадлежал к числу уральских заводов с самой высокой оплатой труда³⁴. Но по данным 1902 г., лишь 11,2% его рабочих получали в месяц 30 и более рублей, тогда как на военных заводах Петербурга таких рабочих было 40%, в Туле – 29%³⁵. Причиной являлась самая низкая поденная плата рабочих среди 8 крупнейших оборонных заводов России. По сведениям ГАУ на 1 января 1914 г., она составляла в Ижевске от 60 до 80% поденной платы рабочих-оборонщиков Петербурга, Самары, Луганска³⁶. Средний уровень заработной платы на Боткинском заводе была на 16–20% ниже, чем в Ижевске³⁷.

Значительно хуже складывалось положение с оплатой труда рабочих на частных заводах и фабриках Удмуртии. Дневной заработок рабочего Пудемского завода в 1911–1912 гг. был в 1,5–3 раза ниже, чем у ижевских оружейников³⁸. Маленькую зарплату получали кожевники и обувщики на многочисленных фабриках в Сарапуле. В 1908 г. она равнялась 18 руб. в месяц³⁹. Этот цифровой ряд можно продолжить, включив в него данные по Камбарскому, Сюгинскому, Омугнинскому, Песковскому и многим другим фабрично-заводским заведениям края, но вывод о низком уровне оплаты труда рабочих Удмуртии они не изменят. По мнению самих рабочих, обобщенному в донесении залазнинского волостного старшины, земскому начальнику в июле 1901 г., это был заработок выживания, «плохой... которого едва хватает на прокормление семей»⁴⁰.

При уровне цен на основные продукты питания и предметы потребления, не уступающем крупнейшим городам России, существующие зарплаты не покрывали элементарных потребностей основной массы рабочих местных предприятий и их семей. Весьма показательны результаты обследования положения рабочих, проведенного в Воткинске в октябре 1907 г. Они обнаружили, что семье из 3–4 чел. требовалось в год на одежду 150, а на питание 240 руб. Для подавляющего большинства рабочих основных цехов завода такие расходы оказались непосильными. При средней годовой зарплате рабочих кузнечного цеха (данные 1906 г.) в 215,82 руб. они не могли удовлетворить полностью продовольственные потребности се-

ми. Их товарищи, работавшие в паровозостроительном цехе, получали более высокое жалование, в среднем 374,58 руб. в год. Но и их расходы на питание и одежду она удовлетворяла не в полной мере. Лишь немногие воткинские рабочие могли восполнить за счет зарплаты расходы на питание, одежду, а тем более на содержание дома. При минимальном годовом бюджете в 507 руб. в 1907 г. из 680 рабочих котельного и судового цехов Воткинского завода только 22 чел. получали свыше 500 руб. в год.

Тожественны этим наблюдениям и данные обследования 22 бюджетов ижевских рабочих в 1903 г. Основная часть их доходов (а это прежде всего зарплата) – 60,7% – уходила на питание, 20,8% – на одежду, остальное – поглощала либо квартплата, либо содержание собственного дома. Расходы не укладывались в бюджет, превышая его на 5,5%. С учетом же чрезвычайных затрат и вычетов, дефицит бюджета увеличивался до 18%. В 14 обследованных бюджетах он достигал 63,6%. Причем затраты на питание, по оценке Д.В. Гаврилова, были в Ижевске выше, чем в Москве, Саратове и Харьковской губернии, где их доля была очень высока и колебалась от 41 до 54%⁴¹.

Данные, приведенные Д.В. Гавриловым, учитывали помимо зарплаты и другие источники существования местных рабочих, служившие известным подспорьем в хозяйстве. Они включали, прежде всего, доходы от огорода, содержания скота и птицы, сенокосного участка и т.д., составляя в денежном эквиваленте от 15 до 27% среднегодового заработка рабочего Ижевского завода (280 руб.) накануне Первой мировой войны, т.е. 42–75 руб. в год⁴². Примерно те же соотношения между доходами от ведения хозяйства и заводским заработком были, вероятно, характерны и для бюджета рабочих «с наделом» в других поселках,

Существенным источником пополнения бюджета рабочей семьи служили промыслы. Впрочем, возможности для их развития имелись не во всех пролетарских центрах края. Из-за удаленности от рынков сбыта и катастрофического состояния дорог, несмотря на достаточную квалификацию населения, наличие ресурсной базы, они не получили развития в поселках Северо-Вятского горного округа, Сюгинского стекольного завода, многих других предприятий Удмуртии, расположенных в сельской местности⁴³.

В ином положении находилась юго-восточная (прикамская) часть Удмуртии. Уникальное сочетание сразу трех крупнейших промыслов всероссийского масштаба: частного оружейного производства – в Ижевске, кожевенно-обувного – в Сарапуле, тарантасно-тележного – в Камбарке⁴⁴, поставило этот район в особое положение, серьезно повлияло на бытовую и производственную жизнь его обитателей, их психологию и сознание. Особенностью развития промыслов в Ижевске и Сарапуле было то, что они еще до конца XIX в. приобрели фабричный характер, отодвинув на второй план кустарные мастерские, вынудив их обслуживать нужды частных фабрик.

Обувные, оружейные фабрики в Сарапуле, Ижевске, кустарные предприятия в Камбарке давали многим их обитателям возможность побочного заработка. На-

кануне первой мировой войны в Ижевске на фабрикантов и кустарей работало до 1000 надомников или, как их называли в Ижевске, квартирников. Около 80% из них были рабочими казенного завода⁴⁵. Они, по словам ижевского старожилла А. Николаева, «принуждены были помимо работы на... заводе, работать дома на частных фабрикантов»⁴⁶. В зависимости от положения на заводе, особенно «при безработицах» подрабатывал в свободное время каждый восьмой-десятый его рабочий⁴⁷. Как показывают данные 80-х гг. XIX в. масштабы паломничества расширялись при выполнении заводом срочных заказов⁴⁸. Широко использовали труд надомников и сарапульские предприниматели. В 1907 г. их численность – 4178 чел. – была даже несколько больше численности постоянных рабочих. Вероятно, как и в Ижевске немалую часть надомников составляли цеховые рабочие, бравшие «урок» на дом. Высокий уровень специализации надомников, позволял широко использовать труд женщин и детей, в том числе из рабочих семей⁴⁹. Наблюдения убеждают, что для вовлеченных в процесс надомничества ижевских, сарапульских, камбарских рабочих он являлся продолжением основной работы, но уже в форме рассеянной капиталистической мануфактуры. Значимость надомничества для бюджета рабочих выразить в цифрах пока не представляется возможным. Но современники оценивали ее (даже при низких расценках) как существенную добавку к небольшому заводскому заработку.

Гораздо меньше возможностей для дополнительного заработка имели боткинские рабочие. Здесь не было ни крупных частных предприятий, ни развитых кустарных промыслов. 104 мелких и мельчайших сапожных, кузнечных и колясно-гарантасных мастерских, действующих в поселке, не могли изменить ситуацию⁵⁰. Поэтому зависимость местных рабочих от жизнедеятельности казенного завода ощущалась в Воткинске куда острее, чем в Ижевске, Сарапуле или Камбарке. Тогда как их возможности восполнить дефицит семейного бюджета, не покидая поселок, существенно уменьшались.

При несомненной важности дополнительных доходов, они не гарантировали материальной независимости местным рабочим. Даже ижевцы и воткинцы, имевшие более высокий уровень жизни, испытывали серьезные экономические затруднения. Поэтому скудным и однообразным оставалось их питание. Обследовавший в конце XIX – начале XX в. положение ижевских и воткинских рабочих врач И.А. Спасский отмечал, что питаются они «одинаково плохо»⁵¹. Это лаконичное замечание расшифровывают сведения, собранные зимой-летом 1912 г. по программе охраны труда на Всеславянской выставке общественного выздоровления администрацией оружейного отделения Ижевского завода. Ответы 10 (всего 12) мастерских единодушны в том, что питание большинства рабочих на производстве: ржаной хлеб и чай с добавлением картофеля, капусты, «вообще» овощей и изредка молока.

Как «неважное» определил помощник начальника завода питание рабочих дома. Резче, как неудовлетворительное оценил его заведующий ствольной-коробочной мастерской 79. Вносят ясность сведения из магазино-коробочной

мастерской, где оплата труда рабочих была самой высокой в оружейном отделе-нии. Ее заведующий писал в анкете, что «домашнее питание большинства рабо-чих: приварок из огородных овощей, круп, гороху, дешевой сварной соленой тар-ной рабы, чай с хлебом и как лакомство, редко, мясная пища», «Мясо, – поясняет заведующей ствольно-коробочной мастерской, – составляет принадлежность бо-лее состоятельного класса»⁵².

Несбалансированный, преимущественно растительный характер пищи был традиционной особенностью повседневного питания основной массы горнозавод-ских рабочих Удмуртии и Урала⁵³. Столь же, а чаще еще более ограниченным, был рацион рабочих даже наиболее доходных предприятий других отраслей про-мышленности. Общую картину положения с питанием этого отряда местных про-летариев (на примере сарапульских кожевников и обувщиков) рисует одна из корреспонденции социал-демократической газеты «Искра»: «Харчи, – писала она 15 января 1902 г., – постная пища, с преобладанием воды и хлеба, так как благо-честивые хозяева больше всего заботятся о спасении душ нечестивых рабочих»⁵⁴.

Особенно трудно жилось тем, кто работал на небольших фабриках и заводах. «Большая часть населения чувствует недостаток средств к существованию», - со-общал земскому начальнику о положении рабочих Песковского завода Северо-Вятского горного округа волостной старшина в июле 1901 г.⁵⁵ Скудость жизнен-ного обихода сарапульских кожевников отмечала в начале 1902 г. газета «Ис-кра»⁵⁶. Нехватка средств вела нередко к накоплению большой задолженности по налогам и сборам, В октябре 1903 г. все дворы в поселке Пудемского завода име-ли недоимку «в размере свыше годового оклада всех сборов»⁵⁷. Усугубляли по-ложение спады производства и связанные с ними падение заработка и рост безра-ботицы. Перед уволенным рабочим вставала проблема трудоустройства, традици-онно сложная в уральских поселках из-за избытка населения. В Удмуртии к этому добавилась оторванность ее от центра России и других регионов Урала. Лишь в годы первой мировой войны промышленный юго-восток края был соединен вет-кой с железнодорожной магистралью Екатеринбург – Казань. К тому же, завод-ские поселки Удмуртии принадлежали к тем поселениям Урала и провинциаль-ной России, благосостояние которых в XX в., как и прежде, зависело почти ис-ключительно от фабрично-заводского производства. Доля рабочих (с семьями) составляла в Воткинске и Ижевске не менее 73–74%, В других местных заводских поселках она была еще более высокой⁵⁸. Причем, большинство рабочих трудилось не просто на одном, но единственном (не считая мелкие кустарные заведения) ме-стном предприятии, Поселки такого типа преобладали в Удмуртии. Распространен-ным вариантом трудоустройства здесь являлся переход в какую-либо кустарную мастерскую, к индивидуальной ремесленной деятельности или поиск заработка, никак не связанного с промышленным трудом (охота, рыболовство и т.п.) Однако такой выбор вел к деклассированию и маргинализации сознания рабочих.

Часть оставшихся без работы предпочитала переезд на другой завод вре-менно или навсегда. Далек не всякий рабочий, связанный с хозяйством, обреме-

ненный семьей мог решиться на такой шаг. Это было прежде всего уделом наиболее мобильных, быстро адаптирующихся в новой обстановке людей. Такие миграции вымывали из поселков социально активную и подвижную часть населения, оставляя на месте тех, кто привык жить по старинке, не стремился к переменам. Масштабы этого явления варьировались, разрастаясь в кризисные периоды. Но особенно массовым исход рабочих становился при закрытии предприятия на реконструкцию или насовсем⁵⁹. Как это случилось с заводами Северо-Вятского горного округа. Так, из 1230 мужчин рабочего возраста – жителей поселка, закрытого Залазнинского завода в 1910 г. около 500 чел. постоянно проживали на других заводах Урала. Проще решался вопрос с трудоустройством в Ижевске, Сарапуле и Камбарке. Здесь можно было найти работу по специальности на частных предприятиях в качестве надомника и цехового рабочего, что не исключило также подработок на дому.

Труд надомников имел заметную специфику. Газета «Искра», характеризуя в начале 1902 г. их положение в Сарапуле, удачно выделила общие черты работы в домашних условиях. По словам автора корреспонденции, она «имеет все темные стороны кустарного процесса; бесконечный рабочий день которого перед сдачей обуви хозяевам, захватывает нередко несколько ночей подряд, низкая (поштучная) заработная плата и т.п.» Труд надомника был ручным и узкоспециализированным, разбитым на простейшие производственные операции, происходил вне коллектива⁶⁰. Нельзя не отметить тождественность многих сторон производственного процесса «чистых» надомников и тех, кто сочетал его с работой на заводе или фабрике, с одной стороны, и рабочих, вынужденных заниматься ремесленным, трудившихся в кустарных мастерских и предприятиях, с другой, Постоянная связь с надомничеством, кустарной деятельностью, традиционными ремеслами поддерживала и консервировала в психологии и сознании местных рабочих то, что Б.Ф. Поршневу называл «производственным индивидуализмом»⁶¹.

Важнейшим проявлением противоречивой производственной практики, и, подвергшегося под влиянием модернизационных процессов разложению, но еще прочного в своих основах уходящего корнями в феодальную эпоху, бытового уклада жизни рабочих являлась «определенная ограниченность и примитивность их (рабочих – П.Д.) классового сознания»⁶². Что отразилось в воздействии сословно-корпоративных стереотипов на процесс политического самоопределения рабочих, бунтарских формах реакции на угнетение и несправедливость, в борьбе за отстаивание права на землю и традиционные формы ее использования и т.д. Но сознанию местного пролетариата присуще такое качество как социальное иждивенчество, безучастность в отношении тех проблем, которые, по мнению рабочих, непосредственно их не касаются. Все это усиливало противоречивость социального облика местных рабочих, свидетельствуя о незавершенности формирования российского пролетариата как класса.

Тяжелая работа на заводе или фабрике, кустарном предприятии, постоянная необходимость искать дополнительный заработок оборачивались трудовым

перенапряжением, болезнями и увечьями, ранней смертью многих рабочих. Подтверждением служат наблюдения врача И.А. Спасского. Обследование населения ижевских и воткинских рабочих привело его к выводу о систематическом вымирании мужской части заводского населения в наиболее продуктивном возрасте от 25 до 60 лет.⁶³ Явление, типичное для горнозаводского Урала⁶⁴. Заслуживает внимания еще одно наблюдение И.А. Спасского. В 1903 г. он отметил, что «работа в Ижевске больше изнуряет рабочего, чем в Воткинске»⁶⁵, что указывает на более архаичную организацию производственного процесса и техническую отсталость Воткинского завода. В этом отношении он стоял ближе, чем Ижевский завод к устаревшим предприятиям Северо-Вятского горного округа. Такое различие проявлялось как оттенок в состоянии самосознания в сторону большей его незрелости – у воткинских и, заметнее, у рабочих небольших заводов края.

Трудные условия жизни служили основанием к возникновению у рабочих настроений придавленности, неверия в собственные силы, боязни нового, приверженности, по зоркому наблюдению современника, «созданным еще дедами привычкам»⁶⁶ или психологии «революционного нетерпения». При незрелости классового самосознания рабочих она проявлялась в стихийно-бунтарских, часто в особо резких экстремистских формах, вспышках группового эгоизма, связанного с корпоративно-сословными пережитками, восприятию демократии и свободы как вседозволенности и т.д. Грань между крайними состояниями в психологии местных пролетариев была подвижной, размытой, что в кризисных ситуациях обострялось зачастую неустойчивостью политических настроений, резкой их сменной. Такие настроения являлись исходными при определении основной массой рабочих меры сознательного участия в политике, не гарантируя автоматически партийного предпочтения. Как справедливо писала в 1924 г. Н.К. Крупская, «пролетарское происхождение есть лишь известная предпосылка, благоприятный шанс, что из человека выйдет сознательный пролетарий»⁶⁷. Поэтому направленность развития психоментальной сферы рабочих зависела от того, окажется ли она под определяющим воздействием общественной инерции (пассивного фактора истории, по определению В.В. Воровского)⁶⁸, или новейших (в значительной мере внешних для исследуемого региона) веяний в общественной и политической жизни.

В известной мере развитие настроений отчужденности и бунтарства среди местных рабочих сдерживалось и корректировалось патерналистской политикой государства и заводладельцев, делавших ставку на социальное партнерство. С конца 70-х гг. XIX в. первоначально в Воткинске, заметно позднее в Ижевске, Сарапуле, небольших заводских поселках Удмуртии укореняются (вместе с развитием кооперации) идеи кооперативного «социализма», усиливая влияние реформистской идеологии в рабочей среде. Особенно заметному ее воздействию подверглись воткинские рабочие⁶⁹.

В начале XX в., когда в российской провинции, в том числе и Удмуртии, развернулся процесс партийного строительства, начали складываться элементы пар-

тийно-политической системы, настроения рабочих сыграли заметную роль в определении основных тенденций ее развития, прежде всего, преимущественно социалистической окраски. Эти процессы развивались под воздействием модернизации, в условиях незавершенности нового социального деления российского общества, возросшей его аморфности, что предопределило резкую дифференциацию партийных симпатий в пределах одного класса или социального слоя. Данное обстоятельство не ускользнуло от партийных идеологов. В августе 1908 г. В.М. Чернов отметил, что «классы не представляют собою нераздельные сущности – в своем политическом проявлении они вечно делятся, дробятся». При этом подчеркивал он, это деление «отнюдь не только по экономическим признакам»⁷⁰. Оценка крупнейшего теоретика неонародничества позволяет приблизиться к пониманию известного феномена, когда рабочие (равно и представители других социальных групп) близкие по уровню квалификации, культуры и грамотности заметно расходятся в свои политико-партийных симпатиях.

События революции и гражданской войны заметно ускорили созревание общеклассовых черт в социальном облике рабочих Удмуртии, ослабив патриархально-сословные его особенности. После Февральской революции в Удмуртии, подобно другим регионам страны, началось интенсивное создание общественных и партийных организаций в рабочей среде. Массовый наплыв в местные отделения социалистических партий, растущие ряды их беспартийных сторонников явились важным свидетельством активизации процесса освобождения массового сознания местных рабочих от сословных пут, провинциальной ограниченности и замкнутости, приобщения к общепролетарским ценностям. Четче структурируются политические предпочтения. Разворачивается процесс становления массового движения крайне левой ориентации – эсеровского максимализма, одной из наиболее радикальных «несельских», «провинциальных» форм неонароднического революционизма (крупнейшие центры – горнозаводские поселки, прежде всего, Ижевск, а также Камбарка и Воткинск). Массовость этого движения отличала Удмуртию от других районов горнозаводского Урала, превращала ее (наряду с Самарой) в один из центров эсеровского максимализма в России⁷¹. Утопизм, тактика «подхлестывания» революционного процесса, авангардистские амбиции и ультрареволюционная риторика, отказ от стесняющих форм жесткой партийной организации привлекли к максималистам рабочих, охваченных «революционным нетерпением», зараженных настроениями бунтарства⁷². Максимализм обозначил крайнюю грань левизны местных рабочих. Неслучайно другая ультралевая группировка – анархисты, близкие по многим позициям максималистам, не получили широкой поддержки в пролетарских поселках и городах Удмуртии. Не в последнюю очередь это было связано с проповедью ими откровенного отрицания государства⁷³.

Антиподами максималистов выступили правые социалисты (меньшевики и правые эсеры). Их влияние было преобладающим в Ижевске до конца лета, Сарапуле, Воткинске, небольших заводских поселках – до конца 1917 – начала 1918 г.

Стремление этих партий к коалиции «всех живых сил» вступило в явное противоречие с антибуржуазными настроениями рабочих, лишив былого обаяния идею реформизма и социального партнерства с буржуазией. Окончательно размежевала рабочих с правыми социалистами их попытка летом-осенью 1918 г. с помощью оружия разрушить советскую государственность⁷⁴.

Разочарование в левых и правых радикалах-социалистах сделало большевиков той «золотой серединой», которую, в конечном итоге, предпочли рабочие. Их позиция определялась тем, что большевикам удалось избежать крайностей ультралевого радикализма и сохранить верность, близкой рабочим, идее сильного и справедливого пролетарского государства.

¹ Дмитриев П.Н. Коммунистическая революция и гражданская война в Удмуртии (1917–1920) // Государство и общество (Ижевск). 2001. №1. С. 59.

² Металлисты Урала накануне и в период 1905 г. Свердловск, 1926. С. 110; Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск, 1996. С. 6; См. Васильковский О.А. Советская историография гражданской войны на Урале (начало 30-х – середина 50-х г.) // Вопросы истории Урала. Сб. 8, С., 1969. С. 189-190; Мастеров А. Рабочие и марксизм // По страницам самиздата. М., 1990. С. 124. Булдаков В.П. Имперство и российская революционность. Критические заметки // Отечественная история. 1997. №1. С. 49; Положение рабочих на Урале во 2-й половине XIX – начале XX в. Сб. документов. М.-Л., 1960. С. 279; Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900 – 1917 гг. М.-Л. 1965. С. 116; Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (Далее: ЦДНИ УР). Ф. 9. Оп. 1, Д. 1. Л. 6 об; Центральный государственный архив Удмуртской Республики (Далее: ЦГА УР). Ф. 95. Оп. 1. Д. 185. Л. 16, Ф. 94. Оп. 1. Д. 225. Л. 42 и др.

³ Положение рабочих Урала. С. 277.

⁴ См. Плеханов Г.В. К психологии рабочего движения // Избранные философские произведения: В 5-ти тт. М., 1958. Т. 5. С. 551.

⁵ Макаров Ф.П. Октябрь и гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1932; Садаков М.А. Особенности социально-экономического положения и революционной борьбы ижевских оружейников накануне Октябрьской социалистической революции // Ученые записки Удмуртского НИИ. Вып. 20. Ижевск, 1968.; Дмитриев П.Н. Численность и качественный состав рабочих Ижевского и Воткинского заводов к лету 1918 г. // Проблемы истории СССР. М., 1978; Дмитриев П.Н., Куликов К. И. Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992; Верещагин А.С. Парадоксы историографии Ижевско-Воткинского восстания // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 393, 394 и др.

⁶ Журнал съезда податных инспекторов Вятской губернии в 1904 г. Вятка, 1905. С. 32–34; Российский государственный военно-исторический архив (Далее: РГВИА), Ф. 504. Оп. 7. Д. 1059. Л. 84, ЦГА УР. Ф. 95. Оп. 1. Д. 179. Лл. 25, 26, Ф. Р204. Оп. 44. Д. 28. Л. 72, Ф. Р197. Оп. 1. Д. 65. Л. 12.

⁷ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб, 1914. Т. 5. С. 421, 475, 476.

⁸ Федулов А.П. 1905 год в Удмуртии. Ижевск, 1940. С. 11.

⁹ Научный архив Удмуртского Института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (Далее: НАУИИЯЛ УО РАН). 115. С. 205.

¹⁰ Сивков В.Ф. Пережитое. Пермь, 1968. С. 22, 111.

¹¹ Адамов В.В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала // Рабочий класс и рабочее движение в России 1861-1917. М., 1966. С. 177.

¹² Металлисты Урала накануне и в период 1905 г. Свердловск, 1926. С. 110.

¹³ Мурзинцева С.Б. Из истории разработки антирабочего законодательства на заводах военного и морского ведомств в 1907–1914 гг. // Рабочие оружейной промышленности в России и русские оружейники в XIX – начале XX в. Л., 1976. С. 105.

¹⁴ Архив Национального музея Удмуртской Республики (Далее: Архив НМУР) 47. Л. 1 об.; Рябинин Б. Верхисетский завод. Свердловск, 1948. С. 48; ЦГАУР. Ф. Р983. Оп. 1. Д. 1. Л. 144 об.

- ¹⁵ Митинский А.Н. Горнозаводский Урал. –СПб., 1909. С. 83.
- ¹⁶ ЦГАУР. Ф. 101. Оп. 1. Д. 333. Лл. 67, 190б, Д. 340, Л.39; VIII съезд врачей и представителей земств Вятской губернии. 23 августа – 1 сентября 1909. Вятка, 1910. С. 431; Государственный архив Кировской области (Далее: ГАКО). Ф. 574. Оп. 2. Д. 978. Л. 3 об.
- ¹⁷ ЦГАУР. Ф. Р983. Оп. 1. Д. 1. л. 145 об.
- ¹⁸ Там же. Лл. 145–145об; РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 1378. Лл. 12, 15–219. В подчинении которого находился Ижевский завод.
- ¹⁹ Распространенная на горнозаводских предприятиях России практика. См. напр, Славная история. Очерки истории Выксунского ордена Ленина металлургического завода. Горький. 1967. С. 141; Луппов П.Н. Прошлое фабрично-заводской промышленности ВАО // Удмуртское хозяйство к десятилетию Октябрьской революции. Ижевск, 1927. С. 133-134.
- ²⁰ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 443. Лл. 150, 153, Ф. Р983. Оп. 1. Д. 4. Л. 179.
- ²¹ Митинский А.Н. Указ. соч. С. 114; Крупнянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горного Урала конца XIX – начала XX в. М., 1971. С. 37–38 и др.
- ²² Луппов П.Н. Указ. соч. С. 140.
- ²³ ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1408. Л. 445об.
- ²⁴ Там же. Ф. 212. Оп. 1. Д. 22833. Л. 2.
- ²⁵ Митинский А.Н. Указ. соч. С. 115.
- ²⁶ ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 22833. Л. 2.
- ²⁷ Цит. по: Макаров Ф.П. Указ. соч. С. 21-22.
- ²⁸ Там же. С. 22 ЦГА УР. Ф. Р983. Оп. 1. Д. 1. Л. 144.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 1404. Л. 64.
- ³⁰ ЦГА УР. Ф. Р983. Оп. 1. Д. 1. Л. 144. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4108. Лл. 89об–100, Д. 4508. Лл. 4.
- ³¹ Там же. Д. 4108. Лл. 87, 89–90; Д. 4502. Л. 8; РВИА. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 187. Л. 42–42 об.
- ³² ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 23379. Л. 235 об.
- ³³ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. 7. Сарапульский уезд, ч. 2. Вятка, 1892. Приложения к подворной описи. С. 176.
- ³⁴ Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период 1861–1900. М., 1985. С. 203.
- ³⁵ Мусихин В.Е. Вятские рабочие: от мануфактуры к фабрике // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4. С. 305.
- ³⁶ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 1378. Л. 100 об.
- ³⁷ Подсчитано по: Репин Г.Н. Положение рабочих горнозаводских и горных предприятий Вятской губернии а 1900–1907 гг. // Религия и церковь в культурно–историческом развитии русского Севера. Материалы международной научной конференции. К., 1996. Т. 2. С. 397.
- ³⁸ Подсчитано по: ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4485. Лл. 25 об–26; Ф. 101. Оп. 1. Д. 333. Лл. 6-7.
- ³⁹ Блинов Н.Н. Сарапул и Среднее Прикамье. Былое и современное. Сарапул, 1908. С. 94.
- ⁴⁰ Залазинский завод входил в Северо-Вятский горный округ. – ЦГА УР. Ф. 95. Оп. 1. Д. 83. Л. 23.
- ⁴¹ Гаврилов Д.В. Указ. соч. С. 227–232; Шишкарева Ю.Ф. Материалы о численности состава и положении рабочих Камско-Воткинского горного завода в начале XX в. // Из истории заводов и фабрик Урала. Свердловск, 1963. Вып. 2. С. 153; Адамов В.В. Особенности формирования горнозаводского пролетариата Урала. С. 176–177.
- ⁴² Дмитриев П.Н. Численность и качественный состав рабочих Ижевского и Воткинского заводов к лету 1918 г. С. 241.
- ⁴³ ЦГА УР. Ф. 95. Оп. 1. Д. 83. Лл. 23, 37, Д. 153. Л. 253.
- ⁴⁴ Тарновский К.Н. Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX в. М., 1995. С. 62; Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 5. С. 421, 475, 476.
- ⁴⁵ НАУИИЯЛ УО РАН. 169, С. 61-62; РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 1023. Л. 126; Памятная книжка Вятской губернии на 1913 г. Вятка, 1912. С. 163.
- ⁴⁶ ЦГА УР. Ф. Р89. Оп. 1. Д. 1. Л. 23.
- ⁴⁷ Подсчитано по: НАУИИЯЛ УО РАН. 169. С. 61-62; РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 1023. Л. 89.
- ⁴⁸ Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск. 1958. Т. 1. С. 193.
- ⁴⁹ РГВИА. Ф. 504. Оп. 7. Д. 1023. Л. 127 об; Государственный архив Российской Федерации (Да-

- лее: ГА РФ). Ф. 382. Оп. 4. Д. 214. Лл. 3–4 об.
- ⁵⁰ Ступишин В.Н. Воткинск. Ижевск, 1976. С. 40.
- ⁵¹ Спасский И.А. Санитарные очерки Воткинского завода // Протоколы заседаний медицинского общества Вятской губернии с 1 сентября 1901 по 1 мая 1903 г. с приложениями. Вятка, 1904. С. 221.
- ⁵² ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4485. Лл. 2 об–23 об; Д. 4489. Лл. 23 об – 24.
- ⁵³ Гаврилов Д.В. Указ. соч. С. 245.
- ⁵⁴ Сарапул. Документы и материалы. 1596–1985. Ижевск, 1987. С. 51.
- ⁵⁵ ЦГА УР. Ф. 95. Оп. 1. Д. 83. Л. 37.
- ⁵⁶ Сарапул. Документы и материалы. С. 50-51.
- ⁵⁷ ЦГА УР. Ф. 94. Оп. 1. Д. 225. Л. 43 об.
- ⁵⁸ П.Н. Меньшевики и восстание в Ижевско-Воткинском районе // Белая гвардия. (Москва) 2002. №6. С. 16; ЦГА УР. Ф. 94. Оп. 1. Д. 225. Л. 42–42 об Ф. 95. Оп. 1. Д. 83. Лл. 14, 17, 21 об., 23, 35, 37.
- ⁵⁹ ЦГАУР. Ф. Р95. Оп. 1. Д. 153. Л. 250.
- ⁶⁰ Сарапул. Документы и материалы. С. 50.
- ⁶¹ Поршнев БФ. Социальная психология и история. М., 1979. С. 171.
- ⁶² Г.Г. Дилигенский. Рабочий на капиталистическом предприятии. Исследование по социальной психологии французского рабочего класса. М., 1969. С. 99.
- ⁶³ Спасский И.А. Указ. соч. С. 233, 236, 243.
- ⁶⁴ См. напр. Крупнянская В.Ю., Полищук Н.С. Указ. соч. С. 50.
- ⁶⁵ Спасский И.А. Указ. соч. С. 321.
- ⁶⁶ Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 4 июля.
- ⁶⁷ Цит. по: Гимпельсон Е.Г. К вопросу о социальном облике рабочего класса // Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник. М., 1992. С. 187.
- ⁶⁸ Боровский В.В. Раскол в темном царстве // Боровский В.В. Литературно-критические статьи. М., 1956. С. 71.
- ⁶⁹ Дмитриев П.Н. Партийно-политическая система Удмуртии в условиях становления советской государственности (октябрь 1917 – весна 1918 гг.) // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции Ижевск, 2001. С. 215-216.
- ⁷⁰ Протоколы первой общероссийской конференции социалистов-революционеров. Париж, 1908. С. 141.
- ⁷¹ Дмитриев П.Н. Некоторые тенденции развития партийно-политической системы в Удмуртии в 1917 г. // Урал на пороге третьего тысячелетия. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2000. С. 293.
- ⁷² Бехтерев С.Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 56; Максималист (Москва). 1918. № 3. С. 9, 1919. № 8-9. С. 12; ЦДНИ УР. Ф. 352. Оп. 1. Д. 17. Л. 168 об.
- ⁷³ Дмитриев П.Н. Анархистское движение на территории Удмуртии в первой половине 1918 г. // Урал в XX веке: Экономика и политика. Екатеринбург, 2001. С. 60-61.
- ⁷⁴ Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии. Сб. документов и материалов. Ижевск, 1957. С. 130; Елабужская рабочая газета. 1917. 16 октября; Дмитриев П.Н., Куликов К.И. Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992; Чураков Д.О. «Третья сила» у власти: Ижевск, 1918 год // Вопросы истории. 2003. №5.